

Моск. комсомолец. - 1992. - 14 июля.

Ни расстрела, ни виселицы поэт не заслужил

В день начала суда по делу КПСС «Правда» поместила на самом видном месте стихотворение Льва Ошанина. Хорошее. Называется «Судите меня».

«Когда подступает девятый десяток судьбы,
и век за плечами, и он не пойдет на попятный,
и топчут знамена, и в панике топчутся лбы,
и что будет завтра, еще никому не понятно... —
тогда, эту землю до крика, до боли любя,
и то, что ступал по земле, принимая как милость,
я слушаю смутную ночь и беру на себя
все прежние беды и все, что еще не случилось.
Судите меня, я один, я один виноват
и в царском расстреле, и в сталинском мраке узилищ,
и в том, что в России костры Авакума горят,
и в том, что не все от утопий слепых протрезвились.
Судите за то, что я сам, как «Челюскин» во льдах,
за то, что сегодня вокруг нас безверье, бездружье —
два митинга сразу лютуют на двух площадях,
и люди опять потихоньку готовят оружие.
Судите меня за нелепое бешенство цен,
за беды культуры, за все, что есть лживого, злого.
Судите меня. Ничего не прошу я взамен.
Но дайте мне все-таки, дайте последнее слово!
Поток пусторечья высоких трибун истребя,
не слушая ярость, которую брызжут невежды, —
друзья мои, братья, берите огонь на себя
и дайте друг другу спокойные руны надежды».

Написано ли «к случаю»? (Ведь советские поэты все, вплоть до Вознесенского, привыкли сочинять «к празднику»). Или «Правда» использовала подходящее стихотворение Ошанина? Неважно.

Важно другое. В такой политический день, в такой политической газете (да еще наверху первой страницы) стихи, естественно и безусловно, воспринимаются не как поэтический опус, а как политический ход.

Еще был Посредине знаменитое на весь мир «ПРАВДА», слева от «Правды» ордена Ленина, справа — строки Ошанина.

Читаешь — и видишь революционного бойца, попавшего в руки буржуев-белогвардейцев. Братишка рвет на себе рубаху и кричит: «Стреляйте, гады! Да здравствует коммунизм!».

Немного странно желание поэта, чтобы его казнили и за царские, и за сталинские расстрелы. Странно желание

попасть под суд за оба митинга сразу (за коммунистический и демократический).

Но все странности не имеют отношения к широте по-

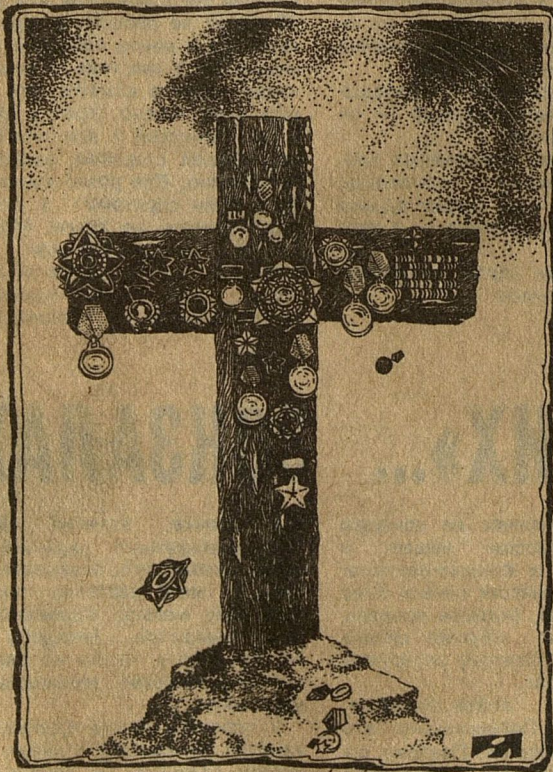

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

этической души, равно болящей за белых, за красных, за левых, за правых.

Поэт вообще движим вдохновением, а не расчетом, иначе это не поэт, но автор агиток.

Высоко ценя творчество Ошанина; зная, что для истинных любителей эпистолярные строки порою важны не менее поэтических, — предлагаю при издании собр. соч. включить в том «Переписки» бережно хранимый автограф поэта.

«Министру культуры Узбекистана тов. З. Р. Рахимбаевой. Уважаемая Зухра Рахимовна! Мне передали, что театр им. Горького снял с репертуара «Ташкентскую легенду». Как это могло случиться? Это спектакль, воспевающий героизм узбекского народа и братство народов СССР, спектакль, полный прекрасной музыки. К тому же единственный в репертуаре о Ташкенте и Узбекистане. Я помню, как он принимался зрителем в Ташкенте. Я помню, как его прошлым летом встретил Киев, как восторженно отзывались о нем поэты и драматурги Украины — Б. Олейник, А. Коломиец, Л. Вышеславский и другие. Пьеса была напечатана в журнале «Театр», вышла сотысячным тиражом в изд-стве «Советский писатель». В ближайшие дни выходит долгоиграющая пластинка «Ташкентская легенда» с записью музыкальных номеров в исполнении ансамбля «Садо».

Зачем понадобилось снимать спектакль? Кому он мешает? Думаю, что справедливо замечание руководителя Союза писателей Узбекистана, а недавно Вашего заместителя У. Р. Умарбекова, что этот спектакль должен быть в репертуаре театра вечно.

Какая злая воля, чья политическая близорукость могли совершить эту акцию? Очень прошу Вас вмешаться. Еще раз с уважением, Ваш Лев Ошанин, лауреат Государственной премии СССР, член правления Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, заслуженный работник культуры Узбекистана, профессор Литинститута имени А. М. Горького. 21 октября 1985 г.»

Ошанину хочется, чтоб его пьеса шла вечно. Не судите автора за это.

Как публикатор позволю себе краткий комментарий. Письмо я получил в подарок от подвыпившего (за пловом) ответственного чиновника минкульты Узбекистана. Точнее, выписал.

Ибо прежде ни одна строка Ошанина не проникала мне в душу так глубоко, как грозное чеканное вдохновенное: **Какая злая воля?! Чья политическая близорукость?!**

— Что делать?! Что делать?! — плача, повторял ленинский вопрос пьяный начальник узбекской культуры.

— Бросьте, сейчас не 37-й, тогда за такое... А теперь пошлите вы его на...

— Нет, Александр-ака, вам легко говорить, а меня из партии выгонят!

Горе его было велико. Ибо вступить во что-то другое, кроме КПСС, тогда было невозможно.

Александр МИНКИН.

Вознесенский Л.

14.07.92